

М. Горький и буржуазный запад

Приезд величайшего пролетарского писателя М. Горького в Советский Союз вызывает различные реакции. Миллионные массы трудящихся СССР, ведущие борьбу за скорейшее выполнение кладки фундамента социалистической экономики, привыкли видеть в первых рядах своего любимого писателя, борющегося за дело пролетариата своим остро-оточенным словом. Для этих трудящихся масс М. Горький—«буревестник революции, неутомимый боец за интересы рабочих» (из резолюции рабочих Воронежского завода им. Сталина) и приезд писателя для этих масс вырастает в крупное общественное явление, они с нетерпением ждут этого приезда, чтобы вместе—плечо к плечу—повести еще решительнее наступление и на фронте строительства. Но есть и другие в стране советов, есть еще много «механических граждан» и прямых классовых врагов, для которых возвращение Горького ненавистно, как ненавистна работа пролетариата, тревожащая «мирное бытие» обывателя, приближающая гибель его, уничтожающая последние остатки капитализма в СССР.

Мы бы не стали останавливаться на жалкой фигурке нашего шептуна-обывателя, но мы видим за его спиной другое лицо, лицо превосходно знакомое пролетариату нашей страны—лицо капиталистического запада. А у капиталистического запада есть кой-какие счеты с М. Горьким, есть причины быть «недовольными поведением писателя», особенно за последние годы,—впрочем, мы выражаемся слишком мягко—«недовольство»,—буржуазный запад ненавидит писателя, и эта ненависть имеет глубокие корни, в которых мы и попытаемся разобраться.

Приезд М. Горького в мае 1931 г. в СССР совершенно случайно совпадает с одним юбилеем, имеющим непосредственное отношение к нашему писателю и к тому вопросу, который мы затрагиваем в нашей статье. Ровно двадцать пять лет тому назад, в 1906 г., М. Горький, только что освобожденный из Петропавловской крепости и, уже имевший все данные, снова попасть в руки «особого корпуса» за свое слишком открытое участие в борьбе российского пролетариата с царизмом, был по настоянию своих друзей покинуть Россию и уехать за границу. Буржуазный запад в лице лучших представителей науки и культуры—принял «модного» писателя, борца за идеи освобождения чуть ли не с распростертыми объятиями. Европейская пресса любезно предоставила М. Горькому возможность выступить в печати против самодержавной политики России. Статьи Горького и его речи на банкетах находили известный отклик в буржуазном обществе Европы и Америки. И это было понятно. До тех пор, пока западно-европейская общественность видела в событиях, происходящих в России, стремление уничтожить самодержавный строй и укрепить на политической арене господство русской буржуазии,—она не могла не сочувствовать и, по мере сил своих, содействовать такому «освободительному движению»—и, поскольку М. Горький был участником русских событий,—он был в глазах буржуазной Европы человек «революционным», которого следует поддержать, защитить. Одним словом, принимая во внимание крупность Горьковской фигуры, на этом можно было сделать красивый жест. Но та же самая буржуазия запада в лице наиболее передовой своей части—буржуазии Франции—как только увидела, что события в России начинают принимать нежелательный характер, что русская революция 1905 г. пошла не только против самодержавия, но и против русской буржуазии, что рабочий класс России со своим железным авангардом—партией большевиков—стремится к тому, чтобы власть захватить в свои руки,—так эта передовая буржуазия «свободной» Франции очень быстро предоставляет правительству Николая II большой денежный заем на подавление революции в России. Справедливо говорится, что «европейская совесть—такая сопложа, адрес которой давно утерян и никому неизвестен». Известие об этом поразительном по наглости факте дошло до М. Горького, когда он жил в Нью-Йорке, и писатель, глубоко возмущенный лицемерием страны, которую он привык считать передовой из всех европейских стран, направляет свое оружие—художественное слово, которое так ценит в Горьком Влади-

мир Ильич,—против Франции, и в мае 1906 г. выходит знаменитый памфлет «Прекрасная Франция». В этом необычайно сильном памфлете, Горький со всей силой иронии обрушивается на некогда любимую страну, ныне бесстыдно продавшуюся банкирам. В форме диалога между писателем и Францией, представленной в образе циничной женщины, жестами напоминавшей актрису, переставшую играть роль королевы, Горький высказывает свое возмущение случившимся.

Конец памфлета выдержан в тоне глубокой скорби автора по поводу того что лучшие люди Франции—Вольтер, Гюго, Флобер мертвы и не могут видеть позора Франции и выказать ей—своей стране—презрения. Заканчивался памфлет словами:

«Франция! Жадность к золоту опозорила тебя; связь с банкирами развратила честную душу твою. И вот ты, мать свободы, дала силу животным, чтобы они попытались раздавить людей. Твоя продажная рука на время закрыла путь к свободе и культуре целой страны... Твоим золотом прольется снова кровь русского народа. Пусть эта кровь окрасит в красный цвет вечного стыда истасканные щеки твоего лживого лица.

Возлюбленная моя!

Прими и мой плавок крови и желчи в глаза твои».

Эта публичная пощечина целой стране вызвала тотчас же дикий вой буржуазной прессы. Поднялись крики, что Горький «безумный анархист», «больной маньяк» и т. п. На все эти вопли писатель ответил открытым письмом к некоторым французским журналистам, в котором заявлял: «честный писатель всегда будет врагом тех, кто защищает и оправдывает каждую наживу. А в письме к историку французской революции проф Олару Горький высказав свое твердое убеждение в победе пролетарской революции в России: «Русская революция будет развиваться и окончится победой народа. По примеру бывшей Франции (Sic), мы обезглавим чудовище деспотизма. Но мы пойдем еще дальше и постараемся не подражать великой Франции. Когда власть будет в руках народа, ему напомнят имена

банкиров, помогавших семье Романовых бороться против свободы. И я уверен, что русский народ не вернет французским банкирам займы, которые он уже уплатил им своею кровью».

После такого выступления М. Горького, взаимоотношения между писателем и буржуазным западом приняли определенно выраженный враждебный характер и хотя со временем мощь писательского таланта М. Горького заставила врагов принять Горького как мирового писателя, ослабить выпады против него, однако, забыть окончательно оскорбления буржуазия не могла и тем более не могла она этого сделать в эпоху, когда страна, на подавление свободы, в которой Франция давала денег, восстала, сбросила ярмо деспотизма, вышла победительницей из кольца блокады и интервенции и в творческом порыве стала создавать из «кондовой деревянной Руси—страну социализма». Буржуазия искала лишь повода для мести. Повод нашелся. Ровно через двадцать пять лет с того времени, как Горький выступил на защиту русского пролетариата с памфлетом «Прекрасная Франция», в котором обвинял Францию в соучастии в убийстве,—советский пролетариат посадил на скамью подсудимых перед своим верховным судом группу лиц, руководимых снова «свободной Францией» и представителями Торгпрома в лице Рябушинских и пр., которые пытались сорвать строительство социализма путем голода, путем интервенции. Горький, как трибун своего класса, бросается в первые ряды бойцов и перед лицом всего мира срывает одежды с вдохновителей интервенции СССР. Он пишет памфлет: «Если враг не сдастся, его уничтожают», в котором разоблачает замыслы Пуанкаре-Война, Бриана и пр., бросает лозунг, суровый, как сурова борьба пролетариата за свое дело: «если враг не сдастся, его истребляют». Вслед за этим памфлетом Горький бросается на новый фронт и свое превосходное орудие иронии направляет против господ «гуманистов», которые из «любви к человечеству» не могли не протестовать против расстрела 48 кредителеев и заявили об этом перед цивилизован-

ным миром. В ответ на приглашение г.г. «гуманистов» вступить в «союз писателей драматургов», Горький пишет второй памфлет: «Гуманистам», в котором он возмущенный лицемерием лучших людей мира, протестующих против расстрела врагов трудящихся СССР и молчащих, когда истинные враги народа капиталисты—в угоду своих интересов, бросили миллионы людей друг на друга в дикую кровавую схватку. И опять писатель четко, про-пролетарски ставит свое заключение: «гуманизму» нет места в условиях капиталистического мира.

Эти два памфлета послужили для буржуазии запада, косо глядевшей на слишком большую работу в СССР М. Горького, работу, беспокоящую «цивилизованный» мир, толчком, сигналом к общему нападению. Как в 1906 г., буржуазная пресса всей Европы подняла вокруг писателя дикую свистопляску, особенно усердно поддеживаемую белоэмигрантской дрянью—Данами, Абрамовичами и пр. и пр. Вокруг имени пролетарского писателя началась грязная травля: вспоминались

старые обиды, искались новые. Буржуазные газеты вопят, что пребывание Горького за границей—угроза Западу, что надо Горького выслать из Италии. Травля все усиливается, но чувствующий правоту своего слова и того дела, которому он служит, спокойный, чуть улыбающийся на суетню «мелких сереньких людишек», пытающихся задержать ход истории, стоит на передовом посту пролетариата—любимый художник слова М. Горький, продолжая, несмотря на гнилую атмосферу окружения, на брызги слюны из старческих ртов Милюковых,—свое великое дело пролетарского писателя. И смело Горький смотрит через головы врагов своих за границу на строительство Советской Страны, с которой писателя связывают живые нити дружеской переключки. И эта переключка массы и единичников, свидетельствующая о тесной спайке, о взаимных симпатиях трудящихся Советского Союза и писателя, особенно ненавистна буржуазному Западу—ибо она—эта дружественная переключка—залог побед и торжества социализма.

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ.